

Светлана Весельева

Призрак

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Сыщик и нечисть 2

Светлана Веселъева
Призрак подземелья

«Автор»

2026

Весельева С.

Призрак подземелья / С. Весельева — «Автор», 2026

Все началось со спиритического сеанса. Призрак, вызванный ради развлечения, не исчез с первыми лучами солнца. Он остался в доме купца Рябина — в темных коридорах, в запертой спальне, в подzemелье под старым особняком. Испугавшись угроз потустороннего гостя, купец обращается в полицию. Следователь Алексей Лунев берется за расследование и выясняет: пятнадцать лет назад в этом доме произошло убийство, о котором никто не должен был узнать. Расследование старого преступления приводит к женщине, сбежавшей от собственного прошлого, и к любви, оказавшейся сильнее смерти. "Призрак подземелья" - вторая книга серии "Сыщик и нечисть". Первая книга называется "Поганый лес". Обложка сделана при помощи нейросети

© Весельева С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Спиритический сеанс	5
Глава 2. Дело о призраке в купеческом доме	9
Глава 3. Медиум мадам Женевьева	14
Глава 4. Домовой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Весельева

Призрак подземелья

Глава 1. Спиритический сеанс

— Проходите, господа, проходите, — радушно приглашал Павел Андреевич, стоя у распахнутой двери в гостиную. — Сегодня я вас удивлю! Пожалуйте, Елизавета Михайловна, сделайте милость!

Павел Андреевич посторонился, пропуская в комнату полную блондинку средних лет в строгом тёмно-синем бархатном платье. Елизавета Михайловна вошла в гостиную и остановилась, удивлённо повернувшись к хозяину дома.

— Что же это у вас темно так, Павел Андреевич? На свечах экономите? — насмешливо спросила она, оглядев комнату. — Сказали бы, мы бы со своими пришли.

Плотные портьеры из бордового плюша задёрнуты, не оставляя уличному свету ни малейшего шанса проникнуть внутрь. В центре гостиной круглый стол, покрытый тяжёлой бархатной скатертью с бахромой. Вокруг стулья с изогнутыми ножками. На столе старинный бронзовый подсвечник с тремя свечами. Просторная гостиная тонула в таинственном полумраке. Пахло воском и лилиями, стоявшими в вазе на каминной полке.

— Что вы? Что вы, голубушка Елизавета Михайловна? Да у меня в этом году барышни такие, что я свечами могу Николаевский проспект освещать, — засмеялся Павел Андреевич. — Проходите, господа, сегодня вас ждёт занятное развлечение! Рассаживайтесь. Барышни, пожалуйста! Оленька, Мария Сергеевна...

Елизавета Михайловна села на стул, положила руки на колени. Она много раз бывала в этой комнате, но в полумраке гостиная выглядела по-другому. Дрожащий огонь свечей отражался в большом зеркале с массивной золочёной рамой, бликами падал на пианино в углу.

Мебель словно отступила в темноту и стала менее заметной. Портрет покойной жены Павла Андреевича висел напротив Елизаветы Михайловны, и темноволосая женщина на нём выглядела живой. Казалось, глаза покойницы влажно блестят и следят за гостями.

— Лизонька, ты выглядишь испуганной, — тихо проговорил Сергей Александрович, усаживаясь на стул рядом с женой. — Что же за пустой стол сажаешь, Павел Андреевич? Обещал пироги с курятиной и барашка, — упрекнул он хозяина.

— Будет вам и барашек, и курятина, — весело пообещал Павел Андреевич. — Всему свой срок. Садитесь, Мария Сергеевна, голубушка, ничего не бойтесь.

Мария уселась рядом с Оленькой — дочерью хозяина дома, и что-то оживлённо шептала ей на ухо.

— Николенька, — обратилась Елизавета Михайловна к сыну, входящему последним в гостиную. — Садись рядом с Олей. Маша, иди сядь возле меня.

Мария подняла на мать разочарованный взгляд, но перечить не стала. Павел Андреевич закрыл дверь и направился к столу.

— Павел Андреевич, расскажите же нам, что происходит, — улыбаясь, попросила Елизавета Михайловна. — Всё это выглядит очень таинственно. Вы придумали какую-то игру?

— Господа, вчера со мной произошёл забавный случай! — громко начал Павел Андреевич. — Еду я по Николаевскому проспекту, а из дома губернатора выходит дама. Платье на ней столичное, слуга следом идёт такой важный, что хоть кланяйся ему. Уселась дама в экипаж, а колесо возьми и отвались. Велел я Прохору остановиться и предложил даме воспользоваться моей пролёткой. Она согласилась. И вот едем мы дальше. А я на склад ехал. Условился там встретиться с покупателем. Достал я часы, посмотреть на время, — тут Павел Андреевич

достал из кармана золотые часы, откинул крышку, посмотрел на циферблат. — Да... Опаздывает... Так, о чём я? Да! А дама мне и говорит: «Какие у вас часы удивительные! Замечательная работа. Принадлежали вашему отцу?» Стал я ей рассказывать, что часы нашёл на чердаке, когда разбирали вещи, оставшиеся от бывшего владельца дома. А она покачала головой и говорит: «Старинные вещи всегда хранят что-то тайны. А иногда проклятия». И оказалось, господа, что даму эту зовут мадам Женевьева...

— Не может быть! — воскликнула Мария, прижав к груди руки. — Сама мадам Женевьева? Та самая, что проводила у губернатора спиритический сеанс? Вы ведь слышали о ней, маменька? Говорят, на сеансе явилась покойная тёща губернатора и была очень резка, — Маша засмеялась. — Ах, как вам повезло, Павел Андреевич!

— Та самая, — весело подтвердил Павел Андреевич. — И сегодня в благодарность за помощь она согласилась провести спиритический сеанс для нашего тесного семейного круга. Надо сказать, это стоило мне больших денег, но она почему-то сказала: «В благодарность». Мне показалось, что это замечательная идея для нашего первого совместного вечера после помолвки Оленьки и Николая.

Павел Андреевич засмеялся, наслаждаясь произведённым эффектом. Мария захлопала в ладоши. Елизавета Михайловна посмотрела на дочь строго. Оля опустила глаза.

— Павел Андреевич, неужели вы верите в то, что можно призвать души умерших? — насмешливо спросил Николай.

— А разве вы не верите, что души могут приходить к живым и говорить с ними? — спросила Оленька.

— Я не верю, что человеку дано управлять душами умерших, — снисходительно ответил Николай. — Иначе бы не было покоя на том свете. Вряд ли апостол Пётр допустил бы хождение из рая и обратно. Да и черти наверняка строго следят за грешниками в котлах.

Оленька хотела что-то ответить, но не успела. Дверь в гостиную тихо открылась. В освещённом дверном проёме стояла горничная.

— Павел Андреевич, мадам Женевьева пожаловала, — сказала девушка поклонившись.

— Варя, проси... Ах ты Господи... — Павел Андреевич торопливо поднялся со стула, направился к выходу, чтобы встретить почётную гостью.

В гостиную вошла мадам Женевьева. Это была немолодая женщина в строгом платье сливового цвета. Единственным украшением служила маленькая брошь в виде цветка. Тёмные волосы медиума были собраны в скромный пучок. Мадам держалась прямо, улыбалась, едва заметно приподняв уголки губ. Павел Андреевич повёл гостью к стулу, излишне суетясь от восторга и предвкушения чуда.

— Позвольте представить вам нашу семью, — сказал он, когда медиум села. — Моя дочь Оленька и её жених Николай. Это мои дорогие друзья Елизавета Михайловна и Сергей Александрович. Их дочь Мария. Мы все взволнованы предстоящим сеансом и немного напуганы, — весело закончил он.

— Что же вы не представили мне женщину на портрете? — спросила мадам Женевьева. — Ведь это ваша жена? Сейчас она здесь, с нами. Я чувствую запах её духов. Слышу шорох шагов... Лилии её любимые цветы?

— С нами? — дрогнувшим голосом переспросил Павел Андреевич. — Это Дарья Ивановна. Дашенька. Оленькина мама. Она умерла два года назад.

— При странных обстоятельствах... — продолжила медиум.

— Она болела, — сказал Павел Андреевич неуверенно.

То есть он был абсолютно уверен, что покойная жена болела перед смертью. Но после слов медиума это обстоятельство вдруг стало казаться странным.

— Господа, — обратилась мадам Женевьева к присутствующим. — Если среди вас есть люди, которые не верят в общение с душами умерших, я прошу вас покинуть комнату. Духи

очень обидчивы. Они могут отказаться разговаривать с нами. А могут и навредить. Чтобы духи раскрыли нам тайны прошлого и рассказали, чего нам ждать в будущем, мы должны отнестись к ним с уважением. Кто-нибудь хочет выйти из комнаты сейчас?

Она посмотрела на Николая. Он улыбнулся в ответ. Все промолчали.

— Хорошо, — продолжила медиум. — Тогда я попрошу вас взяться за руки. Мы должны держаться за руки всё время, пока будет длиться сеанс. Если кто-то разорвёт этот круг, духи перестанут говорить с нами.

Присутствующие взяли за руки. Мадам Женестьева молчала. Николай сжал Олину руку чуть сильнее, чем требовали приличия. Оленька опустила голову, на её щеках проступил румянец. Помолвка объявлена совсем недавно, и в присутствии жениха купеческая дочь всё ещё испытывала неловкость.

— У каждого из вас есть вопросы, на которые вы хотите знать ответы. Подумайте о них. Сейчас каждому будет предоставлена возможность поговорить с духами и узнать тайное, — тихо заговорила мадам Женестьева. — Подумайте о тех, кто оставил вас, и с кем вы хотели бы поговорить. Подумайте... Да, я слышу тебя! — вдруг громко сказала она.

Оля вздрогнула. Маша испуганно посмотрела назад, ожидая увидеть за своей спиной приведение.

— Назови своё имя, кто ты? — громко продолжила медиум. Она выдержала паузу и торжественно продолжила, обращаясь к Павлу Андреевичу. — Ваша жена хочет говорить с вами.

— Даша? Ты здесь, Даша? — заволновался Павел Андреевич и принялся крутить головой.

— Она говорит, что одобряет брак, который будет заключён между Ольгой и Николаем. Она рада, что семьи породнятся, и надеется, что Елизавета Михайловна станет для Оли хорошей матерью. Вы хотите что-нибудь спросить у неё?

— Да... Да, я хочу спросить... Я... — замялся Павел Андреевич, растеряв все мысли.

— Она стоит у вас за спиной, — сказала мадам Женестьева. — Её рука лежит на вашем левом плече.

Павел Андреевич наклонил голову. Плечи его вдруг затряслись от сдерживаемых рыданий. Оленька хотела обнять отца.

— Не разрывайте рук, — напомнила медиум. — Елизавета Михайловна, вы ведь ещё не устроили будущее своей дочери. Мария в этом году будет просватана. Кандидат, о котором вы думаете, сделает ей предложение в конце лета. Это будет хороший брак.

— А что духи обещают мне? — спросил Николай.

Женестьева посмотрела на него и едва заметно вздохнула. Сейчас Николай начнёт рассуждать о материальности мира. На каждом сеансе есть человек, который так старается показать себя умнее всех, что портит остальным удовольствие.

— Кому из усопших вы хотели бы задать свой вопрос? — спросила Женестьева.

— Александру Македонскому, — насмешливо сказал Николай.

Медиум закрыла глаза, чуть откинулась на спинку стула и заунывным голосом произнесла:

— Дух великого полководца Александра Македонского, приди к нам! Дух Александра Македонского, мы хотим задать тебе вопросы! Ты с нами, дух? Дай знак!

Раздался тихий, но отчётливый стук. Тихонько ойкнула Маша. Глаза Елизаветы Михайловны испуганно распахнулись. Николай усмехнулся. Хотел было успокоить присутствующих дам предположением, что кто-то задел ногой ножку стола. Но в этот момент медиум резко откинула голову назад и застонала. Тело её стало биться в конвульсиях. Она крепко держала за руки Павла Андреевича и Сергея Александровича, не давая им разомкнуть с перепугу круг.

Наконец, она открыла глаза. Лицо медиума окаменело. Глаза уставились перед собой. Женестьева привстала, собираясь начать говорить от лица духа. Взгляд её задержался на большом зеркале, висевшем напротив. Медиум замерла, словно что-то пыталась рассмотреть и не верила своим глазам, а потом отчаянно завизжала. Она закрыла ладонями глаза, но снова убрала руки, вглядываясь в отражение.

— Там! — закричала она, указывая рукой на зеркало. — Он там! В зеркале! Призрак!

Она взмахнула руками, словно пытаясь отогнать видение, и рухнула на стул без чувств.

— Убийца! — отчётливо сказал низкий мужской голос. — Я отниму у тебя всё! Как ты отнял всё у меня.

Голос словно звучал отовсюду. Присутствующие стали оглядываться, желая увидеть, кто говорит. Отчаянно завизжала Маша, разглядев в зеркале тающий мужской силуэт.

— Убийца! — глухо повторил голос.

По комнате пронёсся поток воздуха, затрепетал огонь свечей. Почернели и поникли лилии. Запахло сыростью. По окну зашуршали дождевые капли. Протяжно пророкотал первый в этом году весенний гром.

За столом началась суматоха. Визжали барышни. Сергей Александрович склонился над Женестьевой, пытаясь привести её в сознание.

Николай бросился к окну, стал раздвигать шторы. Заглянул под стол. Голос наверняка принадлежал живому человеку, и Николай собирался разоблачить эту глупую мистификацию.

Елизавета Михайловна словно окаменела от страха. Она смотрела на портрет покойной жены Павла Андреевича, и ей казалось, что Дарья качает головой.

Дверь в гостиную распахнулась, заглянула горничная.

— Варя, свет! Зажги свечи, — приказал Павел Андреевич.

Варя принялась зажигать свечи. В гостиной стало светло. Женестьева открыла глаза, испуганно посмотрела по сторонам. При свете свечей вся таинственность, окутывающая комнату, пропала.

Если медиум разыграла представление, то сейчас самое время было слабым голосом сказать о пришествии особо злобного духа и перейти к обещанным Павлом Андреевичем пирогам и барашку.

Но Женестьева была напугана по-настоящему. Её тело била дрожь, лицо побледнело. Она схватила за рукав наклонившегося над ней Сергея Александровича и срывающимся голосом попросила:

— Отвезите меня в гостиницу! Немедленно! Он там, в зеркале. Он в зеркале!

Мадам подняли, повели под руки к выходу. Женестьева дрожала, оглядывалась, тихо бормотала что-то.

Оставшись одна в гостиной, Оленька подошла к зеркалу. Стала вглядываться в отражение. Зеркало послушно отражало большие тёмные глаза, каштановые локоны, вздёрнутый нос. Оля прижала к зеркалу ладонь.

— Ты ведь обещал... Ты обещал мне, — прошептала она.

Глава 2. Дело о призраке в купеческом доме

Пролётка остановилась у двухэтажного здания с колонами.

— Жди тут, — сказала Варя, спускаясь на землю.

Она обошла лужу, приподнимая подол юбки. В другой руке горничная Павла Андреевича держала письмо.

— Да как тут ждать? Я тут весь проезд загораживаю. Господа будут сердиться. Туда вон отъеду, — махнул рукой Прохор в сторону берёз, образующих маленький сквер. — Давай, Буланка, но-о... Пошла, родимая!

Лошадь пошла медленно, словно нехотя.

Варя торопливо поднялась по широким ступеням. Потянула тяжёлую дубовую дверь с потемневшей табличкой, сообщавшей, что в здании находится «Ставропольский окружной суд». Вошла в полутёмный коридор.

На длинных лавках у стен сидели посетители. Две крестьянки о чём-то тихо переговаривались. Рядом стояли молодые казаки в чёрных черкесках. Они принялись рассматривать Варю, одобрительно кивая. Пахло пылью, чернилами, несвежей одеждой, сапогами.

Улыбнувшись казакам, Варя прошла по коридору к столу, за которым сидел писарь.

— К кому? — спросил чиновник, не поднимая головы.

— К следователю Луневу. С письмом от Павла Андреевича Рябинина. Знаете такого? — с вызовом в голосе спросила Варя, надеясь, что имя купца второй гильдии позволит ей не сидеть в очереди.

Писарь поднял голову, посмотрел на Варю. Её светло-карие глаза смотрели на него пристально, без страха и должного почтения. Одежда на Варе выдавала в ней прислугу, хоть и была почти новой. Определив посетительницу, как «маловажную особу», писарь вернулся к документу, макнул перо в чернильницу, нехотя произнёс:

— Нет его на месте. Его благородие сейчас занят важными делами. Можете оставить письмо его помощнику или прийти в другое время.

— А где я могу найти помощника господина Лунева? — спросила Варя, ничуть не обиженная на поведение писаря.

— До конца по коридору, последний кабинет, — не поднимая головы, ответил чиновник.

Варя пошла по коридору к высокому окну, рядом с которым стояла кадка с чахлым растением. На двери последнего кабинета висела табличка «Судебный следователь Алексей Тимофеевич Лунев». Варя постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

В большое окно кабинета лился солнечный свет. На дубовом столе аккуратно разложены документы. Рядом с чернильницей — небольшая фотография в рамке и маленькая деревянная фигурка, отдалённо напоминающая женщину в платке. Над столом висел портрет императора. Большие шкафы с документами тянулись вдоль стены. Под окном был стол поменьше. На нём в беспорядке лежали бумаги.

— Вы туда или нет? — раздался за спиной нетерпеливый голос.

Варя обернулась. Темноволосый молодой чиновник держал в руках папки с документами и смотрел на посетительницу светло-серыми усталыми глазами.

— Туда! — опомнилась Варя и вошла в кабинет.

Она пропустила Трофима, закрыла дверь.

— А зачем? — спросил Трофим, раскладывая папки на столе.

— У меня письмо к Алексею Тимофеевичу. От барина моего. Очень важное. Велено в собственные руки отдать, — ответила Варя, показывая конверт с сургучной печатью.

— Нет его. Можете оставить письмо, я передам, — пообещал Трофим.

Освободившись от папок, он выпрямился и посмотрел на Варю. Он никогда не видел таких рыжих волос. Варя улыбнулась, заметив его удивление.

— Не могу, Павел Андреевич велел в собственные руки. Я лучше подожду. А вы его помощник?

— Трофим Павлович, — представился Трофим. — Если хотите ждать — пожалуйста в коридор. Но господин следователь не говорил, когда будет на месте.

— А я Варвара Фёдоровна. Варя. Горничная Рябинина Павла Андреевича. У нас в доме вчера был спиритический сеанс. И на нём такое случилось! Барин мой после сеанса всю ночь глаз не сомкнул. Всё ходил по кабинету взад-вперёд, взад-вперёд. А мадам Женевьеву Прохор спешно в гостиницу увёз. Мы боялись, как бы у неё приступ не случился. А никак нельзя здесь подождать господина следователя? — Варя умоляюще посмотрела на Трофима.

— Не положено, — отказал он.

— Ах, как жаль, — расстроилась Варя. И доверительно пожаловалась: — После вчерашнего страшно сидеть в тёмном коридоре. Вы не представляете себе, какого страха мы натерпелись!

— Что же такое произошло, что всех так потрясло? — наконец заинтересовался Трофим, указывая Варе стул для посетителей.

— Не могу я рассказывать никому, кроме господина Лунева. Барин рассердится, — ответила Варя, скромно опустив ресницы и пряча довольную улыбку: ей не придётся сидеть в душном полутёмном коридоре.

Она уселась на предложенный стул. Трофим с досадой вернулся к бумагам.

В Ставрополе Трофим освоился быстро. Снял комнату у Воронцовского сада. Комнатушка была маленькой, но чистой. В оплату входили завтраки, а вид из окна на городской сад с лихвой окупал незначительные неудобства.

Алексей Тимофеевич требовал от помощника скорости и аккуратности. И с этим у привыкшего к размеренной сельской жизни Трофима никак не получалось. Разобрав бумаги на столе в две стопки, он уселся, придвинул к себе чернильницу. Попытался сосредоточиться на работе.

Солнечный луч, падающий на Варю, золотил кудряшки вокруг её лица. Девушка сидела неподвижно и прямо, словно статуэтка. Трофим всё время отвлекался от письма, поглядывал на неё.

— А правда, что на таких сеансах духи мёртвых разговаривают как живые? — не выдержал Трофим.

— Правда, — уверенно подтвердила Варя. Ей не терпелось с кем-то поделиться вчерашними событиями, несмотря на запрет. — Вот вчера у нас дух не просто говорил, он так кричал, что даже мадам напугал. А уж она, я полагаю, к духам привыкшая. Я стояла за дверью, но мне тоже всё было слышно. Гости думали, что их разыграли, и кто-то прятался под столом, чтобы их напугать. Но я сама готовила комнату, и в ней не было посторонних. Это точно был дух!

— А что дух кричал? — спросил Трофим, замерев с занесённым над документом пером. Тёмная чернильная капля сорвалась и упала на лист. — А, чёрт, придётся переписывать... Так, что вы говорите, кричал дух?

— Не велено никому рассказывать, — снова заупрямилась Варя.

Она положила письмо на колени, прикрыла его ладонями.

— Да я же всё равно узнаю! Придёт Алексей Тимофеевич, станет вас расспрашивать. А я всё записывать буду. Так чего таиться?

— А правду говорят, что господин следователь лешего изловил? — спросила Варя и подалась вперёд.

— Не положено обсуждать дела, — обиженно заявил Трофим. И пробурчал себе под нос: — Если бы не я, никого бы он не изловил.

— А я слышала, что господин следователь с нечистой силой лучше любого попа справляется. Поэтому меня барин и прислал к нему. Надо было давно это сделать. По секрету вам скажу, Трофим Павлович, живёт у нас домовый. Да премерзкий такой! Ночами по чердаку ходит. Топ, топ... Топ, топ... Кухарка наша Матрёна уже и святой водой брызгала и заговор шептала. А ему всё нипочём. Расставили даже блюдца с молоком по всем комнатам, — Варя махнула рукой, показывая, что все попытки усмирить домового ни к чему не привели.

— И что? — помолчав в ожидании продолжения рассказа, спросил Трофим.

— Что? — переспросила Варя, задумавшись о чём-то своём.

— Помогло молоко в блюдах?

— Это кошку надо спрашивать. Она всё молоко и выпила, — пожалала плечами Варя.

— Так может, нет никакого домового? Может, кошка по чердаку ходит?

— Да что чердак? Он к барышне нашей по ночам ходит. Я сама слышала! Он её... искуша-а-ет, — шёпотом протянула Варя, приподняв брови.

— Как это? — нахмурился Трофим.

— А так! — Варя встала, подошла к столу, наклонилась к Трофиму и прошептала: — Иду я ночью мимо её комнаты и слышу, она стонет...

— Ну, может, болит что-то у человека. Или сон дурной, — предположил Трофим, почему-то краснея от неожиданной Вариной близости.

— Не-е-ет, когда болит, стонут по-другому, — шёпотом возразила Варя.

— А может, это жених её в окно влез? — допустил Трофим стыдное. — Почему сразу домовый?

— Николенька, что ли? — громко удивилась Варя и выпрямилась. — В окно на второй этаж? Да он такой важный, что и не додумается в окно влезть. Да и решётки там на окнах. Одна барышня в комнате, совершенно точно одна. И стонет протяжно так, — Варя снова наклонилась и зашептала: — И на другую ночь тоже повторилось. На третий раз я тихонько дверь приоткрыла, посмотреть. Прошла в спальню на цыпочках. Она лежит на постели, рубаха на ней задрана, волосы растрёпаны. И стонет тихонько. Я подошла, стала будить её. Она глаза открыла и шепчет: «Ах, Варя, поди прочь!». А у самой лицо от пота мокрое, волосы ко лбу прилипли. Я подумала горячка. Хотела на утро барину сказать, чтобы за доктором послали. А когда помогала ей одеваться, увидела на её шее пятно... Ну такое... Срамное... Ну, как если бы жених её целовал, и след неприличный остался...

— Так, так, так, — зашептал Трофим, давая понять, что понял, о чём речь.

— А кухарка мне потом сказала, что покойница-барыня тоже по ночам стонала. Ей горничная рассказывала, которая до меня в доме служила. А потом барыня стала чахнуть и померла. Значит, к ней домовый ходил, а когда она померла — за барышню взялся. Но барышня не помнит, что ей во сне привиделось. А то рассказала бы, помощи попросила. Или просто не хочет, чтобы кто-то узнал. Я думаю, что господин следователь должен домового изловить. А то барышня наша помрёт молодой, — Варя вздохнула, перекрестилась и собралась вернуться на свой стул.

Дверь в кабинет распахнулась. Варя замерла у стола. Трофим встал. В кабинет вошёл следователь. Возникла неловкая пауза.

— Добрый день, ваше благородие, — громко поздоровался Трофим. — Посетительница к вам с особым поручением от купца Рябинина.

Алексей поздоровался, выслушал Варин рассказ, взял из её руки конверт, по пути к столу вскрыл печать. Сел, развернул письмо. Плотная бумага была исписана красивым твёрдым почерком:

«Милостивый государь Алексей Тимофеевич!

Осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой по делу, которое представляется мне крайне важным и требующим Вашего внимания.

Вчера вечером в моём доме, во время частного спиритического сеанса произошло крайне тревожное и необычное обстоятельство. Я считаю необходимым довести его до сведения властей. При присутствии членов моей семьи и приглашённых гостей было услышано некое неизвестное лицо, произнёсшее слова, содержащие угрозу и намёк на совершённое преступление. Указанное происшествие вызвало сильное смятение среди присутствующих и даёт основания предполагать возможность злонамеренного вмешательства.

К сожалению, по причинам, связанным с опасением нежелательной огласки и сохранением доброго имени моей семьи, я лишён возможности лично явиться в судебную канцелярию. В связи с этим покорнейше прошу Вас, милостивый государь, если сочтёте возможным, оказать мне честь и посетить мой дом для личной беседы и выяснения всех обстоятельств случившегося.

Буду глубоко признателен за Ваше внимание к данному делу и заранее благодарю за оказанное содействие.

С искренним почтением и совершенным уважением, купец второй гильдии

Павел Андреевич Рябинин»

Следователь аккуратно сложил письмо. Молча посмотрел на Варю. Впечатлительные барышни склонны видеть потустороннее во всём необъяснимом. А уж на спиритическом сеансе такие необъяснимости обязаны происходить, за них деньги уплачены. А если мадам Женестьева сумела напугать Павла Андреевича, то она хорошо знает своё дело. И купец должен быть рад, что представление стоило своих денег.

— И вы присутствовали на сеансе? — спросил Алексей.

— Нет, ваше благородие. Я всё то время стояла за дверью. Но я слышала, как кричала мадам Женестьева. А потом этот жуткий голос... Когда в гостиной началась суматоха, я заглянула в комнату. Все были в сильном страхе. Кричали. Мадам без чувств лежала. Её Прохор потом на постоянный двор отвёз. Она в «Найтаки» остановилась. Очень она боялась в доме оставаться. Даже от ужина отказалась, — с сочувствием в голосе рассказывала Варя.

— Может быть, кто-то спрятался, а потом всех напугал? — предположил Алексей. — Например, у мадам мог быть помощник. Кто готовил комнату к сеансу?

— Я сама готовила гостиную. Ещё было светло, когда я стол подвинула и шторы закрыла. Свечи тоже я зажигала. А потом дверь была закрыта на ключ. Барин так хотел. И после сеанса гостиную сразу всю осмотрели. Посторонних там не было, — уверенно ответила Варя.

— Что же кричал тот жуткий голос?

— Убийца-а-а! — страшным голосом громко сказала Варя, подражая призраку.

Трофим и Алексей переглянулись. Трофим пожал плечами и чуть развёл в стороны руки, как бы говоря: «Ну а что ещё должен кричать злобный призрак?»

— Как вы думаете, кого голос называл убийцей? — спросил следователь Варю.

Он достал записную книжку, открыл на чистой странице. Быстро набросал Варин портрет. «Берётся за дело» — понял Трофим и улыбнулся. Неужели Алексей верит в призрака?

— Вот этого я не знаю. И Павел Андреевич не знает. Поэтому и прислал меня. Что мне передать Павлу Андреевичу? — спросила Варя, скромно сложив перед собой руки.

— Передайте, что я буду у него завтра вечером, — приветливо улыбнулся Алексей, закрывая записную книжку.

— Ой, ваше благородие! Нельзя ли сегодня? Мадам Женестьева может уехать. А ведь её можно попросить провести ещё один сеанс, чтобы вызвать того духа, — заволновалась Варя.

— Что ж, можно и сегодня, — согласился следователь. — Мадам Женестьева останется в городе, пока будет идти следствие. Трофим, поедешь, отвезёшь предписание, — распорядился следователь. — И скажи, чтобы приехала к Павлу Андреевичу вечером. Она у нас главный свидетель потустороннего, как я понимаю. А с духами мы и без сеанса разберёмся, не впервой.

Варя поклонилась и вышла из кабинета. Все её мысли теперь занимал Трофим. Помощник следователя казался девушке милым, хотя тонкие чёрные усы и делали его похожим на жука.

— О чём барышня успела рассказать, пока меня не было? — спросил Алексей.

— Да так, сплетни всякие. Домовой у них живёт. По чердаку ходит, барышню их по ночам соблазняет. Думаете, правда, нечисть завелась? Или, как всегда, обнаружится вполне живой злоумышленник? — с усмешкой спросил Трофим.

Он почему-то верил Варе. Но в глазах следователя ему хотелось выглядеть серьёзным и образованным скептиком.

— Домовой барышню соблазняет? — удивился Алексей и громко засмеялся.

Трофим растерянно смотрел на него.

— Прости, Трофим, не смог удержаться, — всё ещё смеясь сказал Алексей. — Бабушка меня в детстве домовым пугала. С её слов это маленький лохматый человечек, размером с кота. Не очень-то соблазнительный персонаж, не находишь?

— Да уж, — весело согласился Трофим.

— Павлу Андреевичу отказать не могу, — отсмеявшись, сказал Алексей. — Когда-то он вытащил моего отца из долговой ямы. Пришла пора мне ответную услугу делать. Поедем, осмотримся, разберёмся. Поезжай к мадам, поговори. И не давай ей уехать. Сдаётся мне, она и есть наш призрак. Или помощник у неё для таких дел есть. Ты, надеюсь, приведенный не боишься?

— Пусть они нас боятся, Алексей Тимофеевич, — ответил Трофим.

— Так держать, Трофим Павлович, так держать, — похвалил следователь.

Глава 3. Медиум мадам Женевьева

Мадам Женевьева остановилась в гостинице на Николаевском проспекте. Голубое двухэтажное здание с белыми рамами окон и коваными решётками на балконах принимало обеспеченных гостей. Пожилой швейцар поклонился Трофиму и учтиво открыл дверь.

Трофим прошёл через залу, кланяясь встречным господам. Узнал у портье, в каком номере остановилась мадам Женевьева. Внутреннее убранство гостиницы казалось Трофиму вершиной роскоши: полы застелены ковровыми дорожками, рамы картин и канделябры сверкают, словно сделаны из чистого золота, публика нарядная. После простой сельской жизни гостиница представлялась чуть ли не дворцом.

Трофим бодрым шагом поднялся по лестнице на второй этаж. Постучался в дверь номера. Из комнаты донёсся женский крик:

— Пошёл прочь!

— Полиция, — представился Трофим, рассматривая коридор. На стенах в простых рамках висели фотографии с видами города.

Внутри номера послышались шаги. Дверь открыл молодой человек, почтительно поклонился Трофиму и с едва заметным акцентом произнёс:

— Мадам Женевьева не может сейчас принять вас, милостивый государь. Мадам измучена мигренью. Зайдите в другое время.

Из номера послышался недовольный женский голос, призывающий на голову полиции все возможные несчастья. Трофим решительно прошёл в номер, отодвинув слугу.

— Мадам Женевьева, соблаговолите... — начал он, рассматривая беспорядок в номере.

— Какого чёрта вам нужно? — громко спросила мадам, появившись из соседней комнаты.

На ней был розовый пеньюар и чепец, из-под которого рассыпались по спине каштановые кудри. Во рту мадам торчала незажжённая сигарета.

— Помощник следователя Беликов Трофим Павлович, — представился Трофим и коротко поклонился. — Принёс вам предписание. Вам нельзя уезжать из города до окончания следствия. А сегодня следует явиться к Павлу Андреевичу Рябину для следственного разбирательства по поводу вчерашнего спиритического сеанса.

Мадам взяла письмо, развернула, быстро пробежала глазами. Бросила письмо на пол. На полу уже лежали кое-какие предметы гардероба мадам, две пустые шляпные коробки, испитые чёрными чернилами бумаги. На туалетном столике в беспорядке стояли пузырьки с духами, баночки и коробочки с пудрой.

— Я ни одной минуты не останусь в этом поганом городе! — громко заявила она. — В гостинице тараканы, извозчики — хамы, еда отвратительная, в зеркалах призраки...

— Так вы действительно видели призрака в зеркале? — спросил Трофим и достал из кармана записную книжку.

Он во всём хотел походить на господина следователя. Перенимал его спокойную манеру разговаривать и долгий взгляд на опрашиваемого свидетеля. Купил себе записную книжку в чёрной обложке. Покусывал кончик карандаша, демонстрируя озабоченность или задумчивость.

Мадам Женевьева ходила по комнате, переступая разбросанную на полу одежду и громко жаловалась на неудобства. Она поднимала с пола вещи, но тут же бросала их. Своё недовольство медиум периодически сопровождала грубой бранью, неожиданной для утончённой дамы с мистическими наклонностями.

Трофим придал лицу вдохновенное выражение и принялся рисовать портрет мадам. Рисовать он не умел. Нарисовал крупную круглую голову, добавил палку-палку-огуречик. При-

рисовал длинную чёрточку ото рта, обозначающую сигарету. И изобразил два крупных круглых глаза, показывая ужас, который испытывала мадам. Удовлетворившись сходством, Трофим спросил:

— А как ваше настоящее имя?

— Евгения Семёновна Воронова, — ответила мадам, прерывая свои жалобы. — Только вот что я вам скажу, голубчик! Я ни за что не поеду в этот проклятый дом! Будь вы хоть трижды помощник кого угодно. Даже если вся полиция этого унылого городишки придёт сюда, я всё равно не пойду в тот дом! Там приведение! Это проклятый дом, и я не хочу навлечь на себя неприятности. Можете арестовать меня, если хотите!

Трофим подписал свой рисунок настоящим именем мадам, довольно улыбнулся.

— Что так? — спросил он. — Разве в вашей работе призраки не встречаются на каждом сеансе? Чего такого необычного произошло в доме Павла Андреевича?

Мадам сняла с головы чепец, взяла с туалетного столика расчёску. Овальное зеркало было накрыто тканью, поэтому мадам принялась причёсываться, не глядя в отражение.

— У вас кто-то умер? — сочувственно спросил Трофим.

— Призрак может прийти за мной через зеркало, — быстро заговорила мадам, указывая на зеркало расчёской. — Я ведь видела его в том доме. Он может прийти за мной. Он утащит меня туда... В зеркало.

Трофим оглянулся на слугу. Тот стоял у двери, вытянувшись и сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Доктора бы, — тихо сказал Трофим, кивая на мадам. — Мне думается, нервы её в крайнем потрясении.

— Как обычно, — ответил слуга, не меняя выражения лица.

— Разве на других сеансах призраки не приходили? Чего вы так испугались? — спросил Трофим, не зная, как успокоить разыгравшееся воображение мадам.

— Молодой человек! Какие призраки? Вы серьёзно верите в это? Сеансы проводят, чтобы нервы пощекотать. Никто на самом деле не верит в эту чушь. Это всего лишь красивое представление, — уверенно заявила Женевьева.

Лицо её раскраснелось, глаза блестели.

— И дорогое, надо полагать, — пробурчал Трофим.

— За всё хорошее надо платить! — справедливо заметила мадам и отпихнула ногой шляпную коробку.

— Что ж, тогда сделаем так, — решил Трофим закончить малоприятный визит. — Вы сегодня вечером явитесь по назначенному адресу и, соблюдая все приличия, дадите показания. И тогда я не стану завтра рассказывать всем, и в том числе губернатору, что спиритический сеанс, за который они платили большие деньги — обман и мистификация.

Трофим поклонился и в полной тишине, означающей потрясённое согласие мадам, покинул гостиничный номер.

Мадам Женевьева явилась в дом купца в назначенное время. Она была аккуратно причёсана, держалась прямо, говорила сдержанно. Одетая мадам была в бордовое бархатное платье с овальной камеей у ворота. Перемена в её облике и поведении была огромной, и Трофиму казалось, что эту женщину он видит впервые.

Павел Андреевич проводил гостей в гостиную. Здесь ярко горели свечи. В вазе стояли свежие лилии. Следователь прошёлся по комнате, заглянул за шторы, обитые розовой тканью в цветочек кресла и диван.

Если существовал злоумышленник, то ему было где спрятаться.

— А где стоял стол? — спросил Алексей, покончив с осмотром помещения.

— Вот здесь, — показала Варя на узор в центре ковра. — Я поставила его ножки вот на эти цветы на ковре. Мне показалось, это будет красиво. Стол был накрыт скатертью до самого пола.

— Трофим, — кивнул следователь.

Трофим подвинул круглый столик на место, указанное Варей. Варя сняла с каминной полки канделябр, поставила в центр стола. Придвинули стулья.

— Займите свои места, пожалуйста, — сказал следователь. — Варя, надо потушить лишний свет. Зажги только свечи на канделябре.

Павел Андреевич с дочерью сели за стол, взялись за руки. Оленька с опаской посмотрела на зеркало.

— Здесь был Николай, мой жених, — Оля подняла свободную руку.

Трофим подошёл к ней, занял место Николая. Варя села на место Маши.

— Мадам Женестьева, прошу вас, займите своё место, — попросил следователь.

В мыслях он уже раскрыл это дело. Если бы он был медиумом, то спрятал бы помощника за креслом в дальнем углу. Оставалось понять, как мадам удалось сделать это незаметно. И тут подозрение падало на Варю, которая могла за деньги проводить сюда перед сеансом кого угодно.

На предложение занять место у стола мадам покачала головой и осталась стоять в дверях. Значит, будет играть эту комедию до конца. Алексей почувствовал раздражение.

Гостиная погрузилась в полумрак. Свет от свечей освещал стол, золотил рамку портрета покойной жены Павла Андреевича. Как в прошлый раз. В темноте запах лилий стал казаться сильнее. От страха у мадам Женестьева закружилась голова.

— Евгения Семёновна, не бойтесь, это ненастоящий сеанс, — поддержал медиума Трофим.

Мадам нехотя прошла к своему месту. Села, опустив глаза. Павел Андреевич взял её за руку. Рука мадам была холодной, пальцы дрожали.

— Когда вы увидели призрака? — будничным голосом спросил Алексей.

Ему хотелось поскорее закончить это представление и вернуться к нормальным, «взрослым» делам.

— Когда встала, — тихо ответила мадам.

— Вставайте, — велел следователь.

Мадам поднялась, быстро взглянула в зеркало. Следователь встал за её спиной.

— Вы видите моё отражение? Призрак стоял так же? Мадам Женестьева, смотрите в зеркало.

— Немного дальше, — дрогнувшим голосом ответила мадам.

Следователь усмехнулся и покачал головой, отошёл. Мадам согласно кивнула. Следователь обернулся.

За его спиной была стена и мягкое кресло. Злоумышленник мог прятаться за ним. Собравшиеся должны были его увидеть, когда он вышел и закричал. Видимо, напряжение момента и полумрак не дали им этого сделать. Поэтому видела призрака только мадам в зеркале, и это очень её напугало. И тогда это посторонний ей человек. Сообщнику не надо было выходить, чтобы быть увиденным в зеркале. Сообщнику достаточно было просто кричать, а мадам разыграла бы остальное.

Но если существовал человек, который прятался за креслом, то куда он делся потом? Прощмыгнул в дверь, когда в гостиную вошла Варя, а все были заняты упавшей без чувств мадам. Всё просто. Горничная его впустила, она же выпустила. Зачем?

Следователь зашёл за кресло, присел.

— Варя, — громко попросил он. — Вам видно меня со своего места?

— Нет, — ответила горничная.

— А теперь? — Алексей вышел из-за кресла.

— Да, теперь видно.

Значит, Маша могла бы увидеть сообщника. Но если бы это произошло, она бы сказала об этом.

— Вы хорошо запомнили лицо в зеркале? Сможете описать? — спросил следователь, усаживаясь рядом с мадам и доставая записную книжку. — Варя, можно зажечь свечи.

Мадам обречённо кивнула. Склонившись над записной книжкой, они принялись воссоздавать портрет. Сначала мадам путалась и от испуга не могла вспомнить детали. Но после нескольких попыток безликий силуэт на белой странице стал превращаться в мужчину в тёмном сюртуке.

— Я плохо рассмотрела мелкие детали, — извинилась мадам. — Зеркало далеко, а в комнате было темно. Но я очень ясно видела его глаза. Как будто у него рядом был какой-то свет. Вроде открытой двери. Или это глаза светились. Нависшие брови. Как будто он хмурится. Чисто выбритое лицо. Нос, мне кажется, был прямой, узкий, но я не уверена... а на щеке, мне показалось, был шрам. Вот здесь, — мадам провела пальцем по рисунку, легко коснувшись руки следователя.

Трофим с удивлением посмотрел на Оленьку, которая после слов мадам о шраме провела пальцем по своей щеке. Увидев интерес Трофима, она смутилась и сложила руки на коленях.

— Спасибо, мадам Женестьева, — сказал следователь, закрывая записную книжку.

— Евгения Семёновна, — тихо поправила она. — Вы позволите вашу руку?

Трофим и Варя переглянулись. Не дожидаясь разрешения, Женестьева взяла руку Алексея, перевернула ладонью вверх, медленно провела по ладони пальцем.

— У вас такая длинная жизнь... В ней есть только работа. В вас постоянно идёт борьба между разумом и сердцем. Если вы разрешите своему сердцу немного любви — ваша жизнь изменится... — уверенным голосом с нотками таинственности сказала мадам.

— Это ведь несложно, да? — скептически спросил Алексей. — Надо говорить слова, которые подходят большинству людей. А откуда вы берёте информацию о людях, которые будут на сеансе? Неужели настоящий дар предвидения? Только правду, пожалуйста, — попросил следователь. — Я ведь и арестовать вас могу за мошенничество и ославить на весь город.

Мадам посмотрела на Павла Андреевича, на Олю. Потом наклонилась к уху следователя и прошептала:

— Это Митрофан. Мой слуга. Он узнает о людях, которые будут на сеансе. Но не говорите этого никому, умоляю вас! Хотите, я проведу для вас личный сеанс? Только вы, я и грядущее...

— А где во время сеанса был ваш слуга? — задал Алексей очередной вопрос, отодвигаясь от навязчивой Женестьевы.

— Так он... Надо полагать, ждал меня внизу, — пожал плечами Женестьева.

— То есть вы в этом не уверены? Мог он спрятаться за креслом и кричать во время сеанса?

— Наверное, мог бы, — с сомнением в голосе сказала мадам. — Но я бы не испугалась Митрофана. И его голос мне знаком.

— Но вы могли разыграть испуг, чтобы убедить в этом остальных. Могло такое произойти?

— Нет, ваше благородие, — вмешалась Варя. — Простите... Я ведь заперла комнату до появления гостей, и сама потом открывала. Было ещё кое-что странное. Лилии в вазе...

Она указала на цветы на каминной полке.

— А что с лилиями? — спросил следователь.

— Они почернели, осыпались как пепел. Но цветы были свежими. Их только утром доставили. Я сама их расставляла, — сказала Варя.

— Могу я взглянуть? — заинтересовался Алексей.

— Нет. Я всё выбросила, простите. Матрёна сказала, что это порча и происки нечистой силы. Заставила меня руки святой водой помыть, из-за того, что я к цветам прикоснулась. Они рассыпались в руках, — с сожалением ответила Варя.

Алексей кивнул. Сделал какие-то пометки в записной книжке.

— Спасибо, господа, — сказал следователь вставая. — Не смею больше никого задерживать. Мадам Женестьева, не уезжайте пока из города. И не проводите сеансы, берегите нервы, — с едва различимой усмешкой добавил он.

— Варя, проводи мадам Женестьеву. Пусть Прохор отвезёт её в гостиницу, — сказал Павел Андреевич и добавил, когда медиум вышла: — Оленька, распорядись, чтобы подавали ужин. Господа, я прошу вас отужинать с нами. Отказа не приму! Алексей Тимофеевич, простите меня старика. Но у меня к вам будет необычная просьба. Видите ли, мы с Оленькой очень напуганы. Нельзя ли нам выделить охрану?

— Конечно, Павел Андреевич, — охотно согласился Алексей. — Я пришлю к вам двух жандармов.

— Нет, Алексей Тимофеевич, не надо жандармов. Я бы не хотел огласки. Слухи пойдут, сплетни. А у меня дочь — невеста. Как бы не помешало это происшествие её свадьбе. Окажется, что нет никакого призрака и всё это розыгрыш. А впечатление останется. Станут говорить, что Оля из проклятого дома. Позвольте у нас остаться вашему помощнику. Можно будет сказать, что он помогает мне в делах. Прошу вас!

Следователь вопросительно посмотрел на Трофима. Тот пожал плечами, оставляя решение на усмотрение Алексея.

— Что ж, Павел Андреевич, как вам будет угодно. Не могу вам отказать. Я помню, что вы сделали для моей семьи, и постараюсь, чтобы это дело разрешилось тихо. Трофим, в интересах дела вам придётся пожить у Павла Андреевича.

— Спасибо вам, большое спасибо, Алексей Тимофеевич! — обрадовался Павел Андреевич. — И вам, Трофим Павлович! Вот ещё что... Могу я взглянуть на рисунок призрака?

Следователь раскрыл тетрадь.

— Вам знакомо это лицо? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — разочарованно ответил Павел Андреевич. — Я подумал не призрак ли это первого владельца дома. Но нет, непохож. У меня на чердаке остались кое-какие вещи. И портрет его. Выбросить было жаль, а что с вещами делать непонятно. Вот эти часы, например, я нашёл там. Изящная работа. Не удержался, пользуюсь.

Павел Андреевич вытащил из кармана круглые золотые часы с цепочкой, открыл крышку, показал гостям.

— Знаете, дом этот продавался очень спешно. Первый его владелец прожил в нём всего несколько лет. Говорили, что он из простых людей. Заработал своё состояние на золотых приисках. Когда господин Золотарев выставил свой дом на продажу, я не сомневался. По такой цене такая роскошь — хватай, пока дают. Мы с Дашей были здесь счастливы. А потом она заболела. Мадам на сеансе сказала, что Даша умерла при странных обстоятельствах. Я раньше не думал так. Но теперь думаю, что мадам права. Даша заболела неожиданно, таяла на глазах. Слабела. А что болит, не могла сказать. Я возил её на воды в Кисловодск. Врачей приглашал. Всё зря.

— Я думаю, ваш призрак — вполне живой человек, — сказал следователь. — Обычно всё необъяснимое находит своё объяснение. Но Трофим мог бы завтра подняться на чердак и сверить личность предыдущего хозяина с рисунком призрака. Если вас это успокоит. А я пока займусь вашим призраком. Кто-то должен его опознать, если мадам не выдумала это лицо.

Тихо открылась дверь в гостиную, вошла Варя.

— Ужинать подано, — сказала она поклонившись.

Глава 4. Домовой

Дверь скрипнула и стала открываться очень медленно. Трофим приподнял от подушки голову. Замер, глядя на отворяющуюся дверь. Так тихо и медленно в чужую спальню можно пробираться только со злым умыслом. И живущий где-то здесь призрак вполне мог под покровом темноты прийти, чтобы избавиться от Трофима и не дать себя изловить.

Скоро в щель просунулась рука со свечой, и Трофим вздохнул с облегчением: нечистая сила не ходит по дому со свечами. В комнату беззвучно вошла Варя. Она высунула голову обратно в коридор, убедилась, что никто не видит, как она среди ночи входит в комнату к мужчине. Закрыв дверь, она прижалась к ней спиной. Громким шёпотом позвала:

— Трофим Павлович! Проснитесь, ради Христа!

От её шёпота огонь свечи задрожал. Взметнулись на стене тени.

— Трофим Павлови-и-ич! — чуть громче повторила она.

— Что ты тут делаешь, Варя? — шёпотом поинтересовался помощник следователя, натягивая повыше одеяло.

Его собственная версия появления в спальне красивой девушки льстила его самолюбию. Но хотелось услышать и её версию. Чтобы не было конфуза, так сказать.

— Делаю вашу работу, пока вы тут поживать изволите, — язвительно сказала Варя, поправляя на груди халат. На голове у неё был надет белый чепец, из-под которого свисали две рыжие косы. Аккуратно ступая босыми ногами, она подошла ближе к кровати Трофима. Запахло лавандой.

— Он ходит, — прошептала она, взявшись за край одеяла. — Пойдёмте, Трофим Павлович. Вы должны послушать. Так тихо ходит, но отчётливо: топ, топ, топ... Вставайте же!

— Кто ходит, Варя? — спросил Трофим, натягивая одеяло обратно.

— Домовой! — громко сказала Варя, рассердившись на непонятливость Трофима. Она тут же спохватилась, прижала ко рту ладонь. — Помните, я вам рассказывала, что у нас домовой ходит? Так вот, прямо сейчас...

— Где ходит? — продолжил допрос Трофим.

Профессиональный долг в его душе боролся со страхом и, очевидно, проигрывал. Если бы тут был господин следователь, он, наверное, прямо в ночной сорочке побежал нечистого арестовывать. Но Трофим не спешил покидать тёплую постель. Может, ещё обойдётся и без его присутствия.

— Да на чердаке же! — теряла терпение Варя. — Вы собираетесь его ловить или нет? Говорю же, ходит нечистый по чердаку, топает. Пойдёмте ко мне в комнату, сами услышите. Да вставайте же!

Она стащила с него одеяло на пол. Трофим вскочил, схватил со стула штаны, принялся одеваться. Никак не мог попасть ногой в штанину. Близость полуодетой Вари смущала сильнее, чем страх перед домовым.

— Да бросьте вы свои этикетки, — прошептала Варя. — Так пойдёмте. Все спят. А домовому всё равно в чём вы его ловить будете, чай не барышня, в обморок не упадёт. Пойдёмте!

Она осторожно открыла дверь, выглянула в коридор. Трофим, наконец, справился со штанами, которые теперь виднелись из-под ночной сорочки и придавали ему некоторую уверенность. Всё не гольшом на нечисть идёт.

Варя тихо пошла по коридору. Трофим двинулся за ней. Деревянный пол заскрипел под его ногами.

— Тише! — шикнула на Трофима Варя. — Весь дом перебудите.

— Это не я, — возразил Трофим. — Это пол.

— По-над стеночкой идите, — посоветовала она.

Тёмный коридор оканчивался большим окном. Смотреть на чёрный прямоугольник было жутко. Свет от Вариной свечи бликами падал на стекло, и казалось, что через окно смотрит в дом кто-то страшный, потусторонний. Качающаяся за окном ветка берёзы добавляла воображаемому страху живости.

Варя прикрыла огонь свечи ладошкой. По стенам растянулись длинные тени. Прошли мимо комнаты Оленьки, кабинета Павла Андреевича, его спальни. У самого окна Варя остановилась и открыла дверь в тёмную комнату.

— Заходите. Да не бойтесь, это моя комната. Тихо только, не спугните, — зашептала Варя.

Они вошли внутрь. Пахло лавандой и чистым бельём. Варя поставила свечу на стол. Жёлтое световое пятно высветило маленькую фарфоровую пастушку и толстую книгу в потёртой обложке.

Варя села на кровать. Указала Трофиму стул. Они молча посидели в полной тишине минут десять. Стало клонить в сон. Было понятно, что никакого домового нет, и впечатлительной девушке послышалось или приснилось мистическое присутствие чего-то на чердаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.